

Говард Филлипс Лавкрафт

Дагон

(Dagon)

Я пишу эти строки в особом состоянии, потому что сегодня ночью я перестану существовать. Сейчас у меня нет ни единого су, я достиг предела моих наркотических мучений, ведь жизнь без дозы для меня теперь невозможна, и я не хочу больше продлевать эту пытку. Я собираюсь выброситься из окна на эту грязную улицу. Однако не стоит думать, что морфий, рабом которого я сделал себя сам, превратил меня в безвольного дегенерата. Когда вы будете читать эти несколько, написанных на скорую руку, страниц вы ничему не удивитесь. И все же навряд ли сможете понять, что у меня оставался лишь единственный выбор: забвение или смерть.

Эта история случилась в одном из самых отдаленных и пустынных районов необъятного Тихого океана. В то время я служил помощником механика на почтовом корабле, который однажды был атакован миноносцем немецкой эскадры. Это произошло в самом начале мировой войны, и морские силы противника еще не были измотаны в жестоких боях. Наше судно представляло собой, таким образом, легкую добычу.

Наши тюремщики вели себя настолько беспечно, что после пяти дней плавания у меня появилась возможность совершить побег. В моем распоряжении оказалась маленькая шлюпка с запасом воды и провизии, достаточным, чтобы не бояться голода и жажды в открытом море длительное время.

Лишь находясь на достаточном удалении от вражеского корабля и почувствовав себя в абсолютной безопасности, я вдруг отчетливо осознал, что не имею ни малейшего представления о своем местонахождении. Я никогда не был тем, кого называют "морским волком", но по солнцу, а с наступлением сумерек, по расположению звезд, смог определить, что нахожусь где-то к югу от экватора. Я ничего не знал об этом месте. Никакой берег или остров не мог служить мне ориентиром.

День за днем бесцельно плыл я под испепеляющим солнцем в мучительном ожидании проходящего мимо судна или появления какой-нибудь обитаемой земли. Все было напрасно. Лазурный простор в сочетании с моим безграничным одиночеством начал приводить меня в отчаяние.

Перемена произошла пока я спал. Мне неизвестно, как это случилось. Мой тревожный и беспокойный сон был все же крепок, несмотря на многочисленные сновидения.

Когда я наконец проснулся, то смог лишь различить, что мое тело было наполовину покрыто какой-то черной липкой грязью, которая простиралась вокруг насколько хватало глаз. Моя лодка также увязла в этой грязи недалеко от меня.

Столь внезапная и изумительная перемена привела меня в состояние ошеломленного удивления. Я был в панике. Что-то зловещее и ужасающее присутствовало в воздухе и на зловонной земле. Скелеты рыб, какие-то обломки, непонятные и неопишуемые предметы покрывали поверхность этой необъятной топи. И от этого окружающее место казалось покрытым гнилью.

Никогда не смогу я описать картину, представшую перед моими глазами, эту чудовищную мерзость, "плавающую" в абсолютной тишине обнаженного простора. Не слышно было ни единого звука, и только огромная территория, полностью покрытая тиной и илом, простиралась вокруг.

Страх, родившийся в моей душе при виде отвратительного и немого пейзажа, вызвал у меня нестерпимый приступ тошноты. Высоко в безоблачном небе светило солнце, которое показалось мне черным, словно оно отражалось в черной трясине у меня под ногами.

Пытаясь ползком добраться до лодки, я подумал, что есть единственно возможное объяснение в данной ситуации: после извержения вулкана большая часть океанического дна поднялась, выставив на всеобщее обозрение то, что миллионы лет оставалось укрытым под бездонными водными глубинами.

Эта вновь образовавшаяся земля была настолько огромной, что, даже напрягая слух, я не мог различить шум океана. Ни одна морская птица не оживляла своим присутствием этот унылый и мертвый пейзаж. Несколько долгих часов я просидел, укрываясь от нестерпимого зноя и размышляя, под лодкой, перевернутой на бок. С наступлением вечера почва подсохла. Казалось, все вокруг становится суше и тверже, и я подумал, что смогу, наверное, воспользоваться этим. Ночью я едва заснул, а днем, взяв немного еды и воды, собирался предпринять поход в поисках исчезнувшего моря и в надежде на освобождение.

На третье утро почва достаточно подсохла, чтобы я мог ступать по ней без особых трудностей. От зловония разлагающейся рыбы спирало дыхание, но я почти не обращал на это внимания, так как все мои мысли были сосредоточены на стремлении спастись и вырваться из этого кошмара. Собрав все мое мужество и волю, я отправился куда глаза глядят. Весь день я двигался на запад в направлении холма, который отчетливо выделялся на горизонте. Я прошагал всю ночь, но едва взошло солнце, цель, к которой я так упорно двигался, показалась мне не намного ближе, чем в первый день.

На четвертый день я, наконец, добрался до подножия холма, который вблизи показался мне выше, нежели издали. Уставший и изможденный, я решил провести эту ночь в тени склона холма, так как у меня уже не осталось сил, чтобы подняться на него.

Не знаю почему, но именно в эту ночь мои сны были особенно бредовыми. Прежде чем бледный шар луны успел взойти над равниной, я проснулся в холодном поту. И тогда я решил, что больше не сомкну глаз. Сновидения, рожденные моим уставшим воображением, были настолько ужасными, что едва ли мой разум смог без последствий перенести их еще раз.

При красноватом отблеске луны я понял, что был неосторожен, начав путешествие в разгаре дня. Благоразумнее было бы двигаться в час, когда над горизонтом не было этого обжигающего и ослепляющего солнца: я затратил бы тогда намного меньше сил и энергии. Однако сейчас, уже немного отдохнув, я ощущал в себе достаточно сил, чтобы подняться на холм, что еще совсем недавно казалось мне нереальным. Собрав свой скудный багаж, я двинулся вперед.

Я уже упоминал о том, что однообразный вид равнины был для меня постоянным источником беспокойства и даже страха. Но страх этот возрос еще больше, когда, достигнув вершины, я заметил на противоположном склоне холма настолько глубокие ущелья, что луна, еще не достигшая своего апогея, не могла осветить все их темные изгибы. Я ощутил себя на вершине мира, склонившимся над беззвучным хаосом вечной ночи. Какое-то сатанинское уродство чувствовалось в этом странном и мрачном царстве тьмы. В этот момент мне почему-то вспомнился "Потерянный рай".

Когда луна высоко поднялась над горизонтом, я заметил, что края долины не были столь обрывистыми, как это показалось мне вначале. Наоборот, после крутого склона длиною в несколько сот футов покатошь увеличивалась, что обеспечивало относительно легкий спуск.

Неожиданно мое внимание привлек предмет огромных размеров, возвышающийся на противоположной стороне в ста ярдах от меня. Это был белый каменный блок, блестящий в лунном свете. У меня возникло ощущение, что это не могло быть простым творением природы. По мере того как я всматривался в гигантский каменный блок, странное предчувствие овладело моим сознанием. Огромный камень наверняка покоился в бездне моря с самого своего рождения. Я мгновенно осознал, что передо мной, несомненно, находится монолит со строгими пропорциями, обработанный человеком, который являлся предметом почитания живых существ, наделенных способностью мыслить разумно.

Пораженный и напуганный одновременно, я вынужден был признаться себе, что не испытываю в эту минуту того особого трепета, который на моем месте почувствовал бы археолог или ученый; зато я с самым пристальным вниманием осмотрел территорию вокруг себя. Луна приближалась к своей высшей точке и освещала склоны, возвышающиеся над расселиной, ярким и резким светом. Я заметил, что мощный поток воды начал спускаться со склонов в расселину. Вода уже подступала и к моим ногам. Недалеко от меня волны разбивались о гигантский монолит, на поверхности которого я смог различить иероглифы и какие-то барельефы. Подобный вид письменности никогда раньше не встречался мне ни в одной книге. Иероглифы состояли из изображений различных морских животных: всевозможные рыбы, ракообразные, спруты, моллюски, киты и другие обитатели

океана. На многочисленных идеограммах с полной очевидностью были представлены неизвестные доселе нашей цивилизации предметы и морские животные, которые я уже видел в полуразложившемся и полусгнившем состоянии во время моего перехода по безграничному пространству из тины, ила, топи и грязи.

Загадочные барельефы и надписи повергли меня в ужас. Они были отчетливо видны, так как еще достаточно возвышались над поверхностью воды. Мне кажется, что эти рисунки очень бы заинтересовали Гюстава Доре. Я понимал, что на барельефах были изображены люди, или, по крайней мере, какая-то особая категория человекоподобных существ. Они резвились, как рыбы, в подводных гротах или стояли толпой перед алтарем в храме, который тоже находился на дне океана. Я не решаюсь дать детальное описание увиденного мною, потому что при малейшем воскрешении в моей памяти этих изображений я теряю сознание. Существа эти были еще более ужасны чем те, которые неотступно преследовали болезненное воображение По или Бульвера. Несмотря на расплюснутые ноги, дряблые и мягкие руки, выпученные глаза, уродливые черты лица, эти создания имели хотя гнусный и отвратительный, но, несомненно, все же человеческий вид. Художник, создавший все эти изображения по всей видимости не обременял себя соблюдением пропорции. Так, на одном из барельефов кит, павший жертвой одного из человекоподобных существ, по размерам едва ли превосходил агрессора. Я решил, что эти персонажи могли быть только воображаемыми богами, которым поклонялось племя моряков или рыбаков. Но это племя исчезло в пучине моря задолго до того, как на земле появился первый предок неандертальца.

Охваченный страхом, я созерцал картины из такого далекого и невообразимого прошлого, образы, увидеть которые не дано ни одному антропологу. Я оставался в этом состоянии еще некоторое время, а луна продолжала бросать свои таинственные отблески на сцену, что простиралась передо мной.

Вдруг я увидел, что из легкого водоворота, над мутной поверхностью воды всплыло некое огромное существо. Это было кошмарное чудовище отвратительного и гнусного вида, такого же огромного роста, как и Полифем. Оно бросилось на монолит и крепко обхватило его своими огромными, покрытыми чешуей передними конечностями.

В следующее мгновение чудовище наклонило голову и изрекло нечто, похожее на заклинание. Я твердо убежден, что именно в это мгновение я лишился рассудка.

У меня нет четкого представления о тех событиях, которые произошли со мной в течение всего безумного дня, когда я предпринял свое неистовое восхождение на холм. Думаю, что я пел, или меня охватывали приступы безудержного смеха, когда не оставалось больше сил для пения. Я смутно вспоминаю о страшной буре, разразившейся после того, как я поднялся на самую вершину холма. Во всяком случае, я уверен, что слышал сильный гром и звуки, которые свойственны только природе, когда она выходит из себя.

Когда я пришел в себя, то увидел, что нахожусь в госпитале в Сан-Франциско, куда был доставлен капитаном американского судна, подобравшего меня в открытом океане. Долгое время я бредил, но никто не прислушался к тому, что я говорил. Мои спасатели ничего не слышали ни о землетрясении, ни о каком-либо подводном извержении вулкана в Тихом океане. И я больше не настаивал на своей версии. Зачем? Ведь невозможно доказать то, во что все равно не поверят. Однажды я встретился с одним известным этнологом, который не принял всерьез мои расспросы о Дагоне или Боге-рыбе, как его еще называют.

Сейчас ночь. Лунный шар чуть наклонился, помогая мне воскресить в памяти этого жуткого монстра. Последнее время я пытался уйти от этого кошмара при помощи морфия. Но наркотики, давая мне маленькую отсрочку, сделали меня своим рабом. И теперь, когда я уже закончил свои записи, которые, быть может, окажутся полезными моим современникам, а скорее всего лишь рассмешат их, я собираюсь покончить с этим кошмаром. Скорее к окну! К окну!..

*Перевод А. Мороз, Г. Кот
1992 год*